

Исследовательская работа - интервью «Герои живут рядом»

Работу выполнил
ученик 9 «Б» класса
МАОУ СОШ №21
г. Калининграда
Леонтьев Алексей Родионович
Руководитель:
Часовская Светлана Михайловна,
учитель духовно-нравственных дисциплин

г. Калининград, 2019 год

Содержание	
Введение	3
Интервью с ветеранами Великой Отечественной войны	5
Заключение	21
Приложение	22

Введение

Я представляю проект «Герои живут рядом». Это интервью с живыми свидетелями Великой Победы.

2020 года для нашей страны – юбилейный. Весь мир будет отмечать 75-ую годовщину Победы в Великой Отечественной войне. А живых свидетелей, участников и очевидцев того времени остается все меньше и меньше. Меня давно интересовало все, что связано с Великой Отечественной войной. Я захотел познакомиться с ветеранами войны лично. Обратившись в Совет ветеранов Октябрьского района за помощью, получил список ветеранов, закрепленных за нашей школой. Оказывается, из всего списка в 20 человек в живых на сегодняшний день осталось только 7 ветеранов (это в нашем микрорайоне). Я обзвонил всех, и только два ветеранами согласились со мной встретиться и ответить на вопросы.

С Борисом Дмитриевичем Глыбиным мы познакомились давно, когда я еще учился в 7 классе. Я много слышал его рассказы о войне. Борис Дмитриевич часто приходит к нам в школу на различные мероприятия. Я решил, что необходимо записать его воспоминания и познакомить с этим замечательным человеком жителей нашего микрорайона.

Цель проекта: записать интервью с ветеранами Великой Отечественной войны.

Задачи:

1. Провести и записать интервью с Борисом Дмитриевичем Глыбиным и другими ветеранами по согласованию с ними
2. Обработать аудио, фото и печатные материалы
3. Разработать макет баннера и разместить его на территории района

Для интервью я разработал следующие вопросы:

- ✓ Когда и где родился. Все о детстве: где учился, какие предметы были любимые. Что может рассказать о школе
- ✓ Какое военное училище закончил, когда? Когда началась война, где учился. Когда попал на фронт. Где и кем служил. Интересные факты о службе. Кого из однополчан помнит, с кем общается, если еще живы.
- ✓ Когда окончилась война, где и кем служил? Какие интересные факты может рассказать

- ✓ О семье: когда и где познакомился с женой. Сколько детей, внуков, чем они занимаются, где работают? Когда приехал в Калининград? Чем здесь занимался (служил в армии или работал (где?

Отмечу, что все ветераны отвечали не только на поставленные вопросы, но и рассказывали много интересных историй. В апреле 2019 года я общался с Борисом Дмитриевичем Глыбиным.

В августе посетил Василия Дементьевича Замниуса и Ефросию Александровну Ларчеву. В итоге у меня получилось пять часов аудиозаписи и более двух часов видеointerview. В настоящее время я расшифровываю аудиозапись беседы с Ефросией Александровной Ларчевой.

Интервью с ветеранами Великой Отечественной войны

Борис Дмитриевич Глыбин родился 19 сентября 1922 года Иванники Даниловского района Ярославской области.

Из воспоминаний Бориса Дмитриевича:

«1934 года жили мы в деревне. Значит, в деревне я жил. Потом как раз началась организация колхозов, и отца моего избрали председателем колхоза. И вот, с 1930-го до 1934-го года он руководил колхозом. Колхоз назывался имени Дзержинского. Деревня была небольшая, всего 12 домов. Четыре семьи были середняки. Мы тоже относились к середнякам. У нас хозяйство было хорошее свое. А остальные были бедняки. Нуждались постоянно, понимаете. Рабочей силы у них не было. И механизмов как таковых тоже не было. Лошадей тоже не было. Конечно, очень трудно было заработать на земле что-нибудь для себя. И когда организовали колхоз, люди с удовольствием пошли туда работать. Ну, во-первых, лошадей всех в общую конюшню перевели, колхозную. В том числе и у себя отец, помню, организовал тогда очень хорошую конюшню, хорошее место, где было каждой лошади место, была каждой лошади сбруя и прочее. И так поддерживался в колхозе порядок. Назначил туда же отец конюха хорошего. И началась работа, начали осваивать колхоз. Вы знаете, в первый же год что у нас было!!!... Ведь люди никогда до этого по-настоящему и овощей-то не выращивали. А тут отец специально выделил место, понимаете, для этого. Так распахали землю. Было посажено все: и морковь, и лук, и свекла. Хороший был урожай. И людям трудодни выдали. Ну потом начались зерновые, картофель, стали обеспечивать нас нормально. Колхоз справлялся с работой очень нормально, все было хорошо. И я работать тоже начал. Знаете, когда был 1934-й год, было мне двенадцать лет. Я даже с десяти лет начал работать. А что я делал? Был у меня такой товарищ — Федя Груздев. Мы мальчишками ходили и разбивали так валы, сено. Мужики — это сено косили, а мы его сбивали. Ну а поскольку солнце в определенное время поднималось, мы приходили на работу рано, часа в четыре, в пять. Сбивали, значит, это сено, а потом, где-то в середине дня, ворошили это сено, переворачивали. К вечеру трава высыхала. То есть, это уже было сено. И потом загребали его на лошадях и перевозили в сарай. У нас сараи были специальные: не в скирдах это хранилось все, а в сарае. Вот так собирали корм. Какие-то трудодни я даже сам зарабатывал.

А потом началось движение по возрождению железнодорожного транспорта. А отец когда-то работал на строительстве железной дороги, которая шла от Ярославля на

Дальний Восток. И его призвали работать на железную дорогу. Тогда мы вынуждены были переехать в город Данилов, продав дом в деревне. Это был в то время крупный железнодорожный узел в Ярославской области. Там депо было. Но город был небольшой: там было всего 15 тысяч населения. И главным образом все были железнодорожники: машинисты, помощники машинистов. Сначала он был стрелочником. А потом стал расти-расти, закончил профсоюзную работу, и по профсоюзной линии пошел. Был он председателем местного комитета станции. А потом его даже в райком в отделение дороги избрали. И закончил он свою работу уже ревизором пассажирских поездов, хотя образование было у него всего четыре класса.

В семье было пятеро детей: три брата и две сестры. В 1930 году пошел в школу, которая находилась за 3 километра в д. Лунка. В 1934 году Борис закончил 4-хлетнюю начальную школу в Данилове. Там же училась и его будущая супруга Елизавета Михайловна, с которой они поженились в 1947 году. Борис Дмитриевич вспоминает свою школьную учительницу Марину Денисьевну, строгую, но справедливую. В конце 4 класса все сдавали экзамены. В 1940 году Борис закончил десятилетку, а в 1938 году вступил в комсомол. Закончил не очень сильно, но средне: там были четверки, пятерки, и троечки были, но двоек не было, кстати.

«Но, знаете, я сначала поехал поступать в город Молотов, который, как вы знаете, сейчас городом Пермь называется. А там было военно-морское техническое училище. То есть, там готовили кадры техников — специалистов для самолетов. Вот туда я и поехал. Правда, опасался, что не поступлю. Там восемь вступительных экзаменов надо было сдать. Я не хотел ехать. Но отец надавил, сказал: «Езжай! Государство дает тебе право бесплатного проезда, и — все.» Ну я и поехал. Нас, значит, трое туда приехало. Сразу же медицинская комиссия была организована. Это в Перми все было, на берегу реки Камы. Кама — широкая большая река. Она впадает Волгу. На берегу Камы корпуса училища находились. Красивые, прекрасные были эти корпуса. Я летную комиссию прошел нормально. А два моих друга не прошли: один по глазам не прошел, а у другого что-то с сердцем нашли. И их сразу отправили домой. После медкомиссии стал сдавать экзамены. Все восемь экзаменов сдал на удивление хорошо. Мечтал стать техником самолетов. А тут как раз полковник один сидел за столом и говорит: «Товарищ Глыбин, а может быть, вы хотите в наше училище поступить?» Он приехал из Ейска. А в Ейске было военно-морское авиационное училище летчиков. И вот при этом училище наше училище создавалось — училище связи. Но я же был гражданский, и ничего не понимал в военном деле. И говорю: «Товарищ полковник, я не знаю, какие

там будут специальности.» Он объяснил, что там будут готовить специалистов по радиосвязи, по телефонно-телеграфной связи, потом — электромехаников, специалистов по вооружению, метеорологов, фототехников, вот такие факультеты. Но вот специалистов — командиров радиовзводов телефонно-телеграфной связи — выпускать будут за два года учебы офицерами, лейтенантами. А других не офицерами, а сержантами выпускают. А учатся все примерно одинаково». Ну я и говорю: «Я согласен пойти на телеграфную связь.» Конечно, я хотел на радио пойти. Радио тогда было таким важным делом, оно немножко развивалось. И я сказал: «На радиосвязь хочу идти». Мне сказали: «Хорошо, все. Считайте, что мы вас приняли». Я получил документы и приехал домой в отпуск. Когда приехал домой, отец говорит: «Ну чего, не поступил?» Я говорю: «Поступил, все, приняли меня, сказали: ждать вызова из училища, сказали, что пришлют письмо». И мне в октябре месяце 1940 года пришло письмо из Ейска. И в этом письме было написано: «Вам 1-го октября прибыть в город Сортавала (это в Финляндии), куда это училище перебазировалось». Меня отец провожал до Ленинграда. Приехал я в этот город Сортавала. Там месяц мы работали: готовили учебные корпуса, учебные классы для учебы, в общем, готовились к учебе. Еще учеба не начиналась. Но нас переодели всех во флотскую форму, иначе после этого мы заниматься. 1 ноября мы начали учиться. До этого работали месяц, а потом, значит, началась у нас учеба. Двенадцать дисциплин было у нас разных. В их числе была и тактика морская, строевая подготовка, административная служба. В общем, много было всяких дисциплин, морских дисциплин. Быт в училище был устроен хорошо. Наряду с занятиями по воинским дисциплинам все учили Устав. Еще в училище изучали морзянку: надо было выучить 80 знаков азбуки Морзе. Учеба была напряженная и сложная».

22 ноября 1940 году Борис принял присягу! Борис занимался спортом, ходил на лыжах, хорошо стрелял, получил звание «Ворошиловский стрелок» еще в 1938 году. А зимой 1940 года занял 1 место в соревнованиях по лыжным гонкам!

Как вспоминает Борис Дмитриевич, когда учились, около нас несколько раз пролетали самолеты немецкие. Причем настолько низко летали, что было видно их опознавательные знаки: вот эта свастика на стабилизаторе, на плоскостях самолетов нам была видна. Но тогда же, в 1939 году, 28 августа, был заключен договор с Германией о мире, дружбе и так далее. А потом еще сообщение было ТАСС, что никаких военных действий мы не собираемся проводить.

В мае 1941 года курсантов вывезли в летний лагерь на военно-полевые сборы на берегу Ладожского озера. 22 июня 1941 года был выходной день.

«Это как раз было на воскресенье. Мы все по плану пришли на стадион, занимались там сдачей норм на значок ГТО (готов к труду и обороне). Ну там были прыжки, бросание гранат, бег и прочее. Но ведь я все время занимался спортом. Я и в детстве им занимался: и на перекладине работал, и на брусьях работал. А дело в том, что у нас там, где мы учились, сопка была, которая еще от финнов осталась. Так вот, там сирена такая была, которая, когда все это началось, когда война началась, завывала. Ну, тревога тогда объявлена была у нас. Мы сразу все побросали. А оружие у нас в казарме осталось — не в палатке оно было. Прибежали, похватали все. Но у нас в то время не винтовки были, а карабины, кавалерийские, короткие такие. Взяли, в общем, мы эти карабины, потом - противогазы, и — бегом в ангар. Для учебных классов у нас было два ангара предназначено. Один ангар был прекрасный, новый почти. Его немцы строили когда-то. А второй ангар был деревянный. Так вот, мы туда прибежали, и вот там, значит, все курсанты собрались. И вот там-то комиссар училища нам вдруг и объявляет: «Товарищи курсанты, сегодня, в 4 часа утра, немцы вероломно, нарушив договор, напали на Советский Союз. Бомбили города авиацией: Севастополь, бомбили Минск, Киев.»

Как только командование узнало о начале войны, была объявлена готовность №1. В лагере было всего две роты и надо было готовиться к обороне. Копали окопы прямо на том стадионе, на котором бегали и метали гранаты, под налётом немецкой авиации. В это время поступил приказ от Ворошилове об эвакуации училища в Петергоф. Все думали, что война быстро закончится. Как у нас и в песнях, понимаете, пели в свое время: мы врагу дадим решительный отпор, и война будет на территории противника. В первое время патрулировали город.

Вот что рассказывает Борис Дмитриевич: «И один раз так раз — и тревога у нас объявляется. Затем — построение. Построили нас и говорят: «Получен сейчас приказ: срочно все шинели в скатки мотать.» А мы морские шинели никогда в скатки не делали: это ж только пехота так делала. Мы шинели скатали. Оружия нам выдали два комплекта патронов. После этого посадили нас на машины, на ГАЗ-2А, на «полуторки», и повезли. Едем мы. Проехали через Ораниенбаум. В общем, ехали мы по берегу Финского залива. И приехали мы уже к вечеру в лесок какой-то. Даже недалеко Финский залив виден был. А лесочек маленький, сосны такие дохленькие в нем были.

А там, когда мы туда приехали, оказалось, что курсантов было полно: с училища Дзержинского, с училища Фрунзе и с академии имени Кирова. Полностью всех собрали. Собрали там митинг. На нем, помню, выступает бригадный комиссар, говорит: «Товарищи курсанты, вы прибыли сюда выполнить боевую задачу: уничтожить воздушный немецкий десант, который должен быть выброшен здесь, в этом районе для захвата двух аэродромов: Котлы и Копорье». Все стало ясно нам. Значит, надо было готовиться к вторжению этого десанта. И вот мы там двое суток этого десанта прождали. Десанта немцы не выбросили. По какой причине — неизвестно. Потом, говорят, был выброшен. Там, в общем, бои большие были, курсантов погибло много. А к нам приехал шофер и привез приказ: «Ваше училище отзывается!»

Из Петергофа училище эвакуировали сначала в Вологду, а потом на Урал в г. Пермь. Учеба началась прямо в поле. Учились наводить радиосвязь и телефонные линии. До изматывания, понимаете, мы там готовились. Телефонисты занимались своим делом, а мы занимались своим делом. И это продолжалось до октября месяца 1941 года. Учились для фронта!

Интересный факт: все братья Бориса были связистами.

«В 1941-м году поступил приказ от Главкома, от Кузнецова, выпустить нас: чтоб мы сдали госэкзамены, и чтобы нас досрочно выпустить. Начали сдавать экзамены. Я сдал все. И потом стали ждать назначения. Объявили приказ. И вот нам всем, командирам радиовзводов и телефонно-телеграфных взводов, присвоили первичное офицерское звание — младший лейтенант. Переодели нас в армейскую форму. Один кубик, понимаете, вручили в петлицах.

Потом стали объявлять, кого куда назначать. Первая группа поехала на Черноморский флот, группа офицеров. Вторая группа поехала на Балтийский флот. Третья группа — на Тихоокеанский флот. А нас, восемь человек офицеров, осталось: четыре радиста и четыре телефониста. Нас направили на Северный флот. И — все. Выдали нам какие-то денежки, по-моему, 650 рублей, каждому это дали, потом посадили в поезд, и мы поехали. Приехали мы, значит, в Архангельск. Это было уже в ноябре месяце. Там уже мороз был. Как раз там авиационная часть воинская стояла. Но нас, как офицеров, кормили в столовой, где летный состав питался. А ночевали мы на аэродромах в землянках: прямо там, и никаких матрацев, никаких кроватей не было у нас, только солома. Дня через три подняли нас всех, привели в Архангельск, посадили на корабль,

грузовой корабль, я даже помню его название - «Мста», и повезли с Архангельска по Белому морю в Кандалакшу. Но там, понимаете, такой мороз был, что Белое море при подходе к Кандалакше замерзло. А корабль наш настолько слабенький оказался, что шел так: немножко пойдет-пойдет, потом — стоит. Значит, ждет, пока пар пойдет. Потом — снова идет. Ребята наши не выдержали и сказали: «А чего мы будем? Вон уже Кандалакшу видно. Пошли, ребята, по льду». Ну и нам разрешили пойти. Мы сошли на лед все и пешком в Кандалакшу пришли. А там — поезд, и нас на нем в Мурманск привезли. Но, конечно, все устали. Попали мы еще и в шторм, пока по льду добирались до Кандалакши: Белое море нас потрепало немного. Как только в поезд сели, там было тепло, и все улеглись. Я не помню, как мы проехали этот путь, потому что спали мы крепко до Мурманска. Когда приехали в Мурманск, там нас встретил один, по-моему, сержант какой-то. Они на автобусе приехали нас встречать. Забрали нас, восемь человек, и привезли нас в Североморск, как он сейчас называется, а тогда назывался — поселок Ваенга. А в этом поселке Ваенге был 31-й батальон связи. Я в этот батальон попал. А потом начали этот батальон расформировывать. В каждом полку авиационном стали создавать роту связи по обслуживанию. Там была 5-я минно-торпедная дивизия, в которой было три полка. И этот 31-й батальон, в котором я сначала был, обеспечивал эту дивизию связью. А потом стали распределять. И меня назначили командиром радиовзвода 41-й роты связи и одновременно - начальником радиостанции большой мощности. Радиостанция большой мощности называлась 11-АКА, ну она имела 1 киловатт мощности в антенне. Довольно-таки хорошая станция была. Но работали они, эти станции, так только в режиме морзянки — голосом не работали. Шифровалось все, да, это было.

Борис Дмитриевич рассказывает случай из военной жизни: «Побыл я немного там, наверное, месяца три только в этой роте. А потом создали по указанию командующего флотом новую роту связи при штабе авиации. Эта рота обеспечивать должна была телефонно-телеграфной связью, я уже не по специальности попал туда, штаб 14-й армии, который в Мурманске находился, со штабом Северного флота, который в городе Полярном находился. Вот эта линия связи — она была на деревянных опорах, и там, помню, несколько траверс таких было. И пришлось, короче говоря, немного мне переквалифицироваться. И очень часто немцы выводили эту линию связи из строя. Главным образом они бомбили дорогу, чтобы нарушить коммуникации перевозок боеприпасов и прочего. А попадали по нашей линии, которая проходила параллельно с дорогой, ну в нескольких метрах от нее. То есть, они, немцы, попадали не по дороге, а

по нашей линии связи. Как связи нет, мы выезжаем, и ищем повреждения. И было, значит, у нас вот так. Четыре бомбы положил, 12 пролетов, и как не бывало. А каждый пролет — 50 метров. И вот мы по легкой наводим эту связь. А это зимой дело идет, холодина на улице стоит. А там же, знаете, на Севере зимой дня не бывает. Но у нас светит северное сияние, так более-менее видно кое-что. Вот так-то».

А вот еще один случай: «Надо было срочно выезжать. Мне дали группу: трех матросов и сержанта, которого я даже помню до сих пор фамилию: Степанян. И мы поехали на устранение этого повреждения. Связь-то надо было восстановить 14-й армией со штабом авиации Северного флота. Вот эта 14-я армия — она единственная была у нас такая, то есть, такое соединение на Северном флоте. И вот мы ехали. Ну едем. 27 километров от этого места, где наша рота находилась, до Мурманска, остается. Проверяем: в нашу сторону связь есть, в сторону Мурманска — нет. Едем дальше. Подъехали к Мурманску, а там, понимаешь, горит все. Немцы решили город уничтожить. Это было 18-го июня 1942-го года. Бомбежка страшная была. Налеты были такими, что по 50 самолетов налетали, бросали зажигательные бомбы, главным образом. А город Мурманск был весь деревянный почти. Мало там было больших домов: только ресторан, понимаете ли, почтовое отделение и гостиница находились в каменных зданиях, а остальные дома были двухэтажные деревянные. И вот немцы все это бомбили. Падают зажигательная бомба на крышу — пробивает, падает вот так вот на чердаке — взрывается, и все это начинает гореть. Температура — 3000 градусов. Мы подъехали когда, город был весь в огне. А как по линии было идти? И вот с трудом шли. Даже в некоторых местах наши деревянные опоры сгорели до конца. Одни провода висели и с изоляциями. И мы почти весь город прошли. Почему связисты 14-й армии не вышли навстречу к нам? Вот я этого не понимаю до сих пор, вот так. Ну, в общем, мы нашли повреждения, с великими трудом связь дали, доложили о том, что связь есть, и нам дали команду возвращаться. И мы уже до Кольского шоссе дошли, там здание одно такое было, красное такое здание. Я говорю: «Ребята, давайте мы переждем. Опять тревога, опять налет будут. Давайте мы пойдем во двор и подождем, пока налет этот кончится». Вошли во двор, стали. И немец бомбы бросил в нашем районе. И одна бомба упала буквально метрах в 50 от нас. Но там знаете, какие грунты? Там нет такой земли, как везде. Земли там чуть-чуть было, а все остальное — одни камни гранитные были. Короче говоря, тогда взрывная волна нас раскидала всех. И я, видимо, очень хорошо ударился головой, потому что потерял сознание. Ребята меня трясли. Я потом очухался и говорю: «Чего вы меня трясете?» «Да мы минут пятнадцать

вас трясем», - сказали они. \» «Так, все, ребята, давайте\», - сказал я им. - Так, все живы? Все нормально». И после этого мы уже по городу не пошли, а пошли по сопкам к машине своей. А машину оставили там — на въезде в город Мурманск. И вот прошли мы по сопкам к своей машине. Но только подошли — опять начался налет. Я говорю: «Пока не поедem. Давайте, ребята, так сделаем: кто за камень, кто куда. Ложитесь в целях безопасности. Налет закончится — поедem в свою часть». Вот так закончился этот эпизод.«А потом меня перевели в 36 роту связи 9-го Гвардейского минно-торпедного авиационного полка». Член коммунистической партии Советского Союза с 1943 года. По словам Бориса Дмитриевича, во время войны не погиб ни один из его однополчан. В подчинении у него были и девушки. Две были из Ленинграда, остальные десять — мурманские и вологодские. Жили в землянках: с одной стороны, мужские, а с другой стороны женские. В моменты тишины можно было и в бильярд или в шахматы поиграть в офицерском клубе. Вместо кваса пили настой из коры сосны, чтобы не заболеть цингой.

А еще Борис Дмитриевич вспоминал о том, как обеспечивали связью командный пункт Героя Советского Союза Бориса Сафонова. «Бориса Тимофеевича я в лицо видел, несколько раз встречался с ним, он — прекрасный скромный человек был. Вот 23-го июня 1941-го года он сбил первый немецкий самолет. Война началась 22-го, а 23-го он уже сбил первый самолет. И он до 30 мая 1942 года воевал успешно, сбил 30 самолетов. Лично сбил 30 самолетов! И три еще самолета сбил в группе с товарищами. Значит, сбил всего 33 самолета! Ему дали звание Героя Советского Союза. А 30-го мая 1942-го года он погиб... Опять шел большой наш караван, как, например, «Конвой ПК-17», и надо было сохранять эти корабли. Чтоб ни в коем случае никто не погиб. И вот, по приказу Сталина Сафонов вылетел с группой летчиков для прикрытия своих самолетов и кораблей. Был там воздушный бой с немцами. Он сбил два самолета: два бомбардировщика «Юнкерс-88». А потом корабли там недалеко были. Вот, эсминец «Грозный» там, например, был. Оттуда видели, как он начинал садиться. А я в это время на радиостанции сидел. Слушаем бой. А мы прослушивали бои, потому что там открытым текстом разговаривали. Там кричали, допустим, так: «Васька, смотри, у тебя на хвосте Мессер.» Ну и так далее. Понимаете, такие разговоры были. И вот от Сафонова мы слышали только одно слово: «Мотор.» Понимаете, эти самолеты американские имели такой недостаток, что у них часто, понимаете, заклинивало двигатель. И вот, видимо, у него заклинило произошло, и он вынужден был садиться. Приводнился, корабли видели это дело. А открыть фонарь, выбраться с машины,

видимо, не сумел. Видимо, или ранили его, или, когда приводнялся, Сафонов головой ударился и потерял сознание, и выбраться не смог. А через некоторое время самолет пошел на дно вместе с Сафоновым. За этот подвиг ему дали второе звание Героя Советского Союза, но уже посмертно. Это был первый летчик военно-морского флота, который получил это звание дважды».

Основная задача была у Бориса Дмитриевича - это обеспечить связью самолет. Причем у него не только радиостанции были, но и пеленгаторные станции, потом — приводная была станция, то есть, самолеты с Баренцева моря надо было выводить же домой. Для этого специальный радиомаяк был, там две девчонки сидели, на вахте всегда по два человека, и они перекручивали пластинки и давали все это в эфир. А штурман самолета выходил на нашу станцию приводную, брал курс и выходил на свой аэродром.

Во время войны отец Бориса Дмитриевич служил начальником железнодорожного вокзала в городе Данилов Ярославской области.

Борис Дмитриевич принимал участие в освобождении городов Петсамо (Финляндия – ныне Мурманская область) и Киркенес (ныне Норвегия).

Награжден орденом Отечественной войны II степени, двумя орденами Красной Звезды орденом Ф. Ушакова I степени и 14 медалями, в том числе медали за оборону Советского Заполярья, за победу над Германией. Войну закончил в звании лейтенанта.

В год 55-летия Великой Победы получил звание полковника. После Великой Отечественной войны прослужил на Севере 9 лет, был командиром роты. Ускоренным курсом окончил Новоград-Волыньское военно-морское авиационно-техническое училище (Житомирская область).

В 1951 году Борис Дмитриевич с женой приехал в город Калининград, где служил в штабе авиации Балтийского флота (на ул. Дмитрия Донского). Занимался строительством военных аэродромов. Служил в полку связи на ул. Химической заместителем начальника штаба полка и заместителем командира полка.

В должности командира дивизиона подвижных средств связи прослужил до 1968 года. Устанавливали связь с Черноморским флотом и другими воинскими подразделениями.

А дальше.... Опять служба. Но уже в райвоенкомате Октябрьского района, а потом в МВД. С 1970 года двадцать лет – старший инспектор по кадрам в отделе вневедомственной охраны УВД г. Калининграда.

Фрагменты интервью с Борисом Дмитриевичем

Какое было отношение к партии, Сталину?

- Я так скажу, что Сталина я уважаю он держал такое социалистическое государство.

Какая была самая страшная минута войны?

- Когда мы проходили через горящий город и в доме-стенке меня отбросило и я отключился

Какое воспоминание самое радостное?

- Самое радостное, когда мы разгромили немцев

Что помогло выжить на фронте?

- Помогало то, что Сталин сказал биться до последней капли крови то что мы разгромим немцев.

Как вас встретили дома?

- Когда я пришел мама ещё спала она проснулась увидела меня и обняла и сказала я за тебя свечки ставила в церкви молилась.

В настоящее время Борис Дмитриевич Глыбин ведет огромную военно-патриотическую и общественную работу среди молодёжи. Член Совета ветеранов Краснознаменного Северного флота. Написал книгу о ветеранах Северного флота совместно с Г. Бичем.

Из воспоминаний Ларчевой Ефросии Александровны (из аудиофайла)

Родилась 23 марта 1923 года Омская область район Бердюжский деревенька половинная. Жила в деревне нас было много 7 человек, чтобы не умереть с голоду уходили в город Петропавловск Казахская область. Училась, очень мало закончила 8 классов, школа маленькая в деревне там вообще было 4 класса. Школа была за деревней 5-6 км. В школе я не была отличницей, но и не была, никогда в хвосте мне все, нравилось, больше любила географию, историю, русский, а дальше был год труда. Перед этим ещё в няньках жила, в людях в благополучных семьях детей нянчила, мне пришлось рано начинать свою трудовую жизнь с 12 лет, потому что нас было много в семье. Мы были, бесправные у нас даже документов не было, каким то чудом сохранилось свидетельство о рождении вот этим мы и руководствовались, когда мне, исполнилось 18 лет, получила паспорт, почти сразу получила повестку в военкомат это когда я уже в город ушла. Сразу по военному билету в воинскую часть. На войну шли с такими чувствами без меня ничего не получится. Были, все патриотами у нас много было добровольцев среди девчонок. Военком тоже говорит, девчонки чего вы можно было вам увильнуть отказаться вы вить не представляете что такое война. Насмотрелись, фильмов вышла как раз газета о Зое Космодемьянской и у вас патриотизм вить там ужас, могли куда-то в другое место отправить, писать ну что-то такое найти связанное с войной, но не на фронт. Конечно, когда уже окунулись в это. Сначала мы учились, было с Ленинграда авиационно-военное училище переведено, убегали от Сталинграда в Ишим и в нем была школа младших авиаспециалистов я была оружейником, учились мы всего 4 месяца по 10-12 часов, потому что все гнали быстрее быстрее. А потом когда нас отправили на фронт, сначала мы работали на Яках (Як 1,2,3)Здесь мы изучали только вооружение. Собрали нас в Подмосковье. Авиационно-истребительный полк. Тут мы уже все это делали. Мы готовили самолеты к вылету. Тяжелый черный труд. Подвешивали бомбы, реактивные снаряды, снаряжали пушки, пулеметы, стояли на коленях. Но надо было все знать. Поставил снаряд, лезешь в кабину, надо подсоединить, к пушке поставить на предохранитель, целый день подвешивали, в зависимости от погоды если погода хорошая летная то по 6 вылетов каждый самолет, полетели, отстреляли, выбросили на них все, а мы уже стоим, ждем. Это же все быстро делалось, пока долетят, пока отбомбили, они прикрывали бомбардировщиков и штурмовиков, конечно, стреляли сами, до последнего патрона погубило много наших, сбивали, парни молодые задорные еще первое время старались вот я первый, а первый получалось что первый и последний, еще нас готовили в стрелки авиавооружения. У нас 12 героев Советского Союза командир полка дважды

герой Советского Союза Михаил Васильевич. Отправили в Томск потом нас переправили в Саратовскую область «Багай Барановка» аэродром большой, хороший но был так обустроен что сверху незаметно только крыши видны остальное все в земле (землянка) большие, большие землянки весь полк помещался, все летчики что учились в училищах пребывали туда там проходили уже основательный курс на боевых самолетах. Мы побывали на уборке урожая немец подходит а хлеб не убран было 100 мужчин а нас было 11 девчонок только я косить умела простой косой руки были в кровавых мозолях это была тяжелая работа. У меня были длинные косы и вот нам сказали на построении что сегодня в 9 часов будет марш бросок на 41 километр и вот Валя Мосина обрезала мне косы держит и говорит оставить я говорю нет режь вот прошли мы мимо бахчевого поля и вот один парень сорвал арбуз и искал меня а на построении меня ещё видел с косами он всю ночь ходил говорит искал девушку с косами чтобы угостить, покормить. Когда сидели рассказывали кто откуда, рассказывала Надя она скромная такая из Ленинграда говорит у меня девочки папа большой военный начальник танковых войск дважды герой Советского Союза. В самоволку нас водил Гурген Александрович ему было около 40 лет азербайджанец по-русски говорил хорошо был высокий симпатичный стройный очень добрый человек хороший инженер эскадрильи по обслуживанию самолетов.

Ой, господи это любимый человек наш, как отец он. Нас называл мои девчонки, мои дочки. У него сыну было 16 лет. Мы ему говорим так почему мы дочки у вас же сын взрослый. Да нет, ещё не взрослый ему 16 лет, но нам было по 18-19 лет. Так им дали на двоих комнатушку. Там узкий проход и два деревянных из досок сколоченные кровати и сама она тоже фанерная была это и воздух свежий, а то мы же все время в земле как кроты, он говорит, девушки идите сюда устроит вас вот это, а нас четверо и вот он нам отдал эту комнатушку. Никогда ни на кого голос не повышал только подходил и говорил ты что сума сошел ну что ты сделал ты бы хоть спросил у кого-нибудь он не будет наседать не будет рот открывать вот я начальник - ты дурак. Солдатский быт был вот сейчас все приходят и ноют как дорого и ничего такого нет. Хлеба давали 200 г на завтрак 200 г на обед и 200 г на ужин перловкой закармлили нас я и сейчас не могу смотреть на эту перловку. Когда была столовая, а когда под открытым небом, подходишь, тебе порцию твою наливают, ты отходишь в сторону и ты идешь, и туда подходит следующий был котелок и ложка из банки мы пили компот из сухофруктов почти не сладкие. В начале были в полном унынии и холод и голод мы спали 2-3 часа в сутки это не постижимо как это можно выстоять днем мы вешаем

снаряды вечером мы когда прекращают полеты мы почистили все сделали и идем в наряд караулить и самолеты и ком состав и штаб полка командный пункт много было охраняемых объектов и боже мой уже не идешь, а плетешься, думаю ну хотя бы вот присесть хоть поспать у нас ноги то у всех синие мы же все время на ногах и с тяжестью. Огненная дуга - Курская дуга вспоминается все время с такой теплотой это Украина как раз весна столько зелени все хорошо солнце все время светит холода мы не испытывали это уже было хорошо. Песни пели у штурмовиков авиаторов был баян и свой баянист и они нас немножко знали. Письма писали Залюфьбердов всегда спросит у вас письма есть пишите, пишите письма чаще ведь мать не спит, она ни пьет, ни ест, потому что все думает о вас. Отца забрали в последних старших возрастах забрали его в конце августа а в декабре он уже погиб в Карелии. Мать осталась с двумя детьми трудно было. После войны мы подняли всех кто остался в живых мы встречались первые два раза это через 5 лет, а потом мы встречались через 3 года и ведь каждый раз командир полка говорил вот чтобы собрались все те же что и сейчас вот как будто бы одна семья, ездили в Москву знали когда знали планировку отсылали деньги на встречу нас двое с мужем мы отсылали 25 рублей это на керосин на автобусы на столы мы собирали отдельно едим вить что руководило нами вить едим на эти два коротеньких дня бросаем все и дом и дети пусть они уже были взрослые чтоб увидеть посмотреть прикоснуться даже поцеловать в щеку что слава богу мы живы сейчас уже никого не осталось. Знаю что Иван Селифонов это который 2 книжки писал в Киеве и сейчас с ним даже связи нет вот последний раз поздравил он нас на годовщину. Много таких городов первый Ржев где мы участвовали. И отправили нас, целую дивизию под Сталинград там уже заканчивалась война и вот мы уже ускорили это дело. Украину освобождали, полностью, были мы в Крыму, Молдавия. С мужем мы встретились в полку но они прибыли позже это было на Украине они с училища они под Москвой учились немец стал уже подходить к Москве и их училище перевели к этим черненьким но за то в теплую страну это сколько у нас было республик южных они заканчивали там а учились как боже мой вить без слез не вспомнить это приехали мальчишки жили то же в землянках и ходили босиком учились на летчиков не во что было обувь вот когда тренировочные полеты им давали на весь отряд были обмотки и сапоги или ботинки не высокие берцы. Они когда приехали в полк я как раз в штабе была посыльной мне дает бумажку начальник строевого отдела. Ананина, вот этих молодых летчиков нужно развести по эскадрильям. Развела я их по два человека в три эскадрильи не встречалась я долго ни с кем. Почему меня хвалили, вот я нервничаю

когда меня спрашивают ну я не могла по-другому, потому что с детства все в руках: все бегом, туда надо, сюда надо.

Ефросинья Александровна вспоминает, что ей подарили книгу об истории полка. Рассказала как познакомилась со своим будущим мужем: он со мной знакомился, я уже полтора года была в полку. Молодые летчики только прибыли как пополнение вот так нас судьба свела. Он скромный, я тоже. Было это в Австрии. Ребята сходили посмотреть место - Голубой Дунай. Лес вообще такая хорошая обстановка. Смотрели вместе кино в таком амбарном помещении «Первый день мира». Мы оттуда вышли все заплаканные ведь уже кончилась война, а людей все убивает и тут один такой плотный дядечка из эскадрильи говорит, что дома вас ждут. Мы как всполошились все девки уезжаем, а командир полка, устроил после построения прощальный ужин у себя на своей квартире и разрешил пригласить кому кто люб и вот когда сели за стол уже он еще раз нас всех поздравил и предложил остаться служить дальше. А мы уехали на родину, потом и вспоминали и жалели и встретились когда уже умер батюшка Сталин и как то на встречи командир полка попросил меня выступить а я никогда не выступала никогда ни говорила и думаю господи Михаил Васильевич да я даже двух слов не свяжу. «Вот сейчас закончат летчики говорить пойдем со мной на сцену», а я на сцене стою, у меня только голова видна, я маленькая Муж меня все время поддерживал, говорил: «ну чего ты дрожишь ты же ни будешь какой-то отчет давать ты просто расскажи как вам жилось, что такое война, как вы дружили, как вы жили, как работали. А когда вышла на сцену, ну не знаю, как кружево плелось, ни разу не повторилась. Помню такую мелочь: отстояла с вечера и до утра самолеты охраняла уже как я шла я не знаю до стоянки дошла самолетов легла пахучим чехлом накрылась немножко масло бензин везде присутствовал, уже и от нас пахло. Кажется механик самолет готовит к вылету. Коля идет в столовую ему говорят, возьми котелок принеси Ананиной у неё уже нет сил. Зима, трудностей было много не умыться, не помыться воды нет. Грели снег, пили чай и пили просто как воду и умывались. Была школа - там был класс учебный. Там соломы натаскали много рядами заканчивается ряд и ещё, ещё летчики спали на соломе укрывались кто как и чем может. Ребята пошли в деревню принесли 5 утюгов. И даже было такое что нечего есть где то раздобыли из других полков 2 буханки хлеба и 2 банки тушенки свиной. Она была такая вкусная - это американцы нам поставляли. Ну вот командир полка взял ножик, открыл сколько человек он посчитал, сколько нарезал кусочков хлеба, всем намазал, подходите берите. Ой чего только не было на территории Польши. Привезли нас охранять самолеты, а там целая

эскадрилья. Это 12 самолетов - все истребители. Галочка, она пошла договорилась с хозяевами ну где-то миску муки дали там тоже не было не мыла ничего. Тогда всем было трудно жить, а вишни столько, хоть умри под этой вишней. Набрали мы вишни той, наелись. У нас был техник ленинградец Игорь Сорокин. Он оружейник ему отстрелило по самое плечо руку, он молодой ну может 20 лет, а он с костылем ходил. Немцы погнали нас с Изюма, мы отступаем тоже, а на них идут подводы на лошадях. Мне присвоили звание старшего сержанта и тут уже закончилась война. Мы под Берлином были тут уже объединялись вот наш был белорусский 106 фронт и все равно наших убивали и ребята когда поехали это десятого утром надо было посмотреть и расписаться на рейхстаге. Многие так делали: кто пониже становились на плечи друг другу, потому что все исписано было, чтобы найти место где поставить свою фамилию. Обрадовались, что война кончилась самое страшное было конечно когда летчики погибали наши. Вот дежурное звено стоят: их четверо, все молодые, веселые, задорные, некоторым и 20 лет не было даже. Летит зеленая ракета - первая готовность. Тут же следом красная. Взлет когда зеленая. Они уже с парашютами стоят вот улетают а возвращаются не все. Если на нашей территории погибали, хоронили и сразу готовили таблички, чтобы было видно кто похоронен, а если на их стороне, то туда дорога нам заказана. Вот помню в первый раз прибыли мы на аэродром а наши летчики на задании были отстрелялись уже шли на свой аэродром опустошенные горючка уже в баках закончилась как говорят они на одной капли летим а здесь два Фокке-Вульфа над нашим аэродромом начали друг за другом, а нашим стрелять не чем вот сбивают одного сбивают второго мы стоим нас много и командир полка стоит, а ну марш по щелям зачем мне нужны глупые жертвы мы спрятались, потом смотрим один парашют раскрылся второй и улетели фрицы. Витя Лихачев, он хороший летчик был, летал несколько раз в разведку. Витя Лихачев он играл на гитаре, все пел. А вот когда сбили его, он раненный был и стал не многословный серьезный такой. Вот он и обнаружил пушку, которую немцы прятали. Был сбит и его отправили аж под Свердловск на лечение и все переписывался с нами. Так он сбежал из госпиталя, прибыл в полк с костылями хромой. Ну что его гнало сюда. Вот уже в Польше стоим. Там уже Германия - конец войны и как это меня там не будет. Витя тоже Герой Советского Союза.

Мой муж болезненный был в детстве. Он один месяц только отучился в 9 классе. А потом узнал, что в Подмоскowie открывается школа для молодых летчиков. Он пришел домой, бросил портфель и сказал матери, что уезжает Подмоскowie в летную школу.

Самое радостное воспоминание - это конечно, конец войны. Я пришла с поста, легла отдохнуть. Прошло какое-то время, тут стук в дверь и все кричат: «вставайте, война кончилась!» То что стреляют, мы уже привыкли к этому потом встали и действительно это наши салютуют. От радости мы ноги в сапоги, шинель на плечи, винтовку и тоже прибежали, стреляем. тут идет начальник штаба с графином со стаканчиком в штаб полка тут мы уже поверили да это уже кончилась война. Целый месяц ехала домой, кто-то выходит, кто-то подсаживается. Мы приехали, никто нас не ждет не встречает. Демобилизовалась только 26 декабря 1962 года дважды была на сборах проверяли.

Отъедались первую неделю и собираемся к маме в деревню от куда мы прибыли, а уже сестра знала и повела нас уже туда. мама долго не верила, что это мы с сестрой, живые ее детушки. Мама все смотрит на нас, раз дотронется то до одной, то до другой. Я говорю: «Мама, ты чего?» А она ответила, что не верит еще счастью. Нам деньги дали 2000 руб. как подъемные. Купили маме новую корову. После войны не знала с чего начать. Меня приглашали на прежнюю работу в детский сад. Но я думаю, господи, как я буду с детишками? Столько пробыла там, где пушки, самолеты. Но пришла в садик, меня там встретили, обрадовались. Это все в Петропавловске Северный Казахстан. Потом пошла на радиозавод на гравировщицу два месяца отработала и ушла. Потом я уехала в Магнитогорск к брату. Он меня после войны звал к себе. Он хороший строитель. Какое –то время поработала в библиотеке. Хотела ехать туда, где тепло и вдруг получаю письмо от будущего мужа, что у него отпуск. Он встретил меня в Москве и через десять дней была свадьба. Я там жила 4 года - сейчас это город Чехов муж прилетал только раз в год. Здесь в Калининграде мы служили в Балтийске, а жили в однокомнатной квартире, потом получили на улице Радистова трехкомнатную. Много лет я работала в областной детской больнице. Младшему моему сыну 66 лет, старшему 70 лет. Внуки и правнуки.

Жизнь такая сложная была, а за все судьбу благодарю. Имею медали за боевые заслуги, Гвардейский знак. За каждый большой город Киев, Харьков, Владимиро-Волынский, Прага.....

Из воспоминаний Василия Дементьевича Замниуса

Я родился в 1927 году в июле на Украине Киевская область Богославский район село Келомилка. Село было большое 7 км по длине. В школе отучился 7 классов любимым предмет был география, математика была не любимым предметом, 5 км до школы было. Как я узнал про войну. Дело было в воскресенье, в селе тоже выходной я уже пас колхозных лошадей ночью, посеяв вечером выгоняем утром, загоняем так, как воскресенье было мы и днем пасли лошадей. Когда я на обед приехал я еще не знал, что война началась, в селе узнали только к вечеру. Я когда на ужин уже приехал узнал о том, что война началась. Паника, конечно, у людей, народ был очень напуган. Прошло несколько дней общая мобилизации пока не было я не помню когда была мобилизация а первый звук войны я услышал примерно через неделю после начала работали мать на огороде картошку копает и я бурьян собирал и слышу летит самолет ну самолеты не раз летали а тут летел, летел и засвистело а потом как бабахнуло. Они сбросили бомбу, а бомба упала в км 2 от нас, через луг на соседнем селе. Народ весь попрятался кто куда и все потом когда началась общая мобилизация всех в один день забрали. Но вот знаете что мне интересно когда все собрались у сельсовета демобилизованные их в район сопровождать надо сельсовет, а рядом магазин был и мне интересно почему магазин разграбили сразу мужики которые идут на фронт. Начали брать в магазине все что им надо. Ну раз мужики берут и пацаны то же все берут, а я на повозке ездовым был вез вещьмешки, я зашел в магазин набрал спичек коробок 20, а мать как увидела брось ты все ничего не трогай ну я пару коробок в карманах оставил, а остальные положил. Когда уже война началась спичек нет, соли нет, а огонь добывали. Смотришь у кого-то дым из трубы, идешь туда жаркое возьмешь и до дома надо донести, а остальные камушек кремний стальной брусок и трут. Вату кипятили ее варили чтоб когда искра попадала на нее чтоб лучше загоралась. ну первых немцев я увидел сам мужиков всех отправили в селе мирная жизнь с колхоза все разобрали я взял одну лошадь и телегу на двоих мы взяли с соседом и пасли мы уже свой скот мне было 14 лет пасли мы лошадей и на обед а я на лошади я так оглянулся а сверху дорога проходит а там в 1 км от нас два танка мы скот загнали и поехали через нашу улицу а народ попрятался я из-за забора смотрю танки прошли а по дороге уже часа два движется колонна немцев ночью наши отступили через село прошло десяток автомобилей пушек и два трактора а сколько там пехоты прошло не знаю а немцы двигались в сторону Умани окружили Уманскую группировку когда немцы пришли было такое безвластье потом они старосту выбрали все что мы разобрали лошадей

снова в колхоз собрали немцам же удобнее собирать с колхоза чем с каждого частника ну а мы работали пацаны как обычно это 1942-1943 год ну в селе какая работа в основном полеводство уборка урожая наше село освободили 30 декабря 1943 года я утром вышел во двор смотрю скачут всадники кавалеристы разведка шла 10 человек а я возле ворот стою они спрашивают как нам туда проехать на село я им показал дорогу они только выехали на луг а в соседнем селе еще немцы стояли и от туда по ним с пулемета как врезали и они вернулись назад а то село через 2 км от нас освободили только в феврале у нас вот тут фронт стоял январь 1944 года выдался с плюсовой температурой а у нас в то время дорог не было машины не могли проехать до леса дорога была там уже все складировали а с леса снова мне пришлось запрягать двух лошадей на телеге возил боеприпасы уже до линии фронта это мне уже 17 лет было 30 км снаряды патроны и все что грузили там не только я целый обоз нагружали 100-200 кг потому что колеса вязли так что лошади ели тянули телегу мы дней десять возили а потом уже мороз ударил снег пошел уже не телеги сани запрягали мы уже пришлось вывозить раненных с передовой и в госпиталь там сахарный завод был село Лукого клали на сани двух раненных одна лошадь была и едешь а зима холодно было едим, едим мы замерзли нам бы погреться через село едим заезжаем в любую хату а народ солдат в каждой хате полно захожу я в хату спрашиваю можно вот раненных вязу замерзли парни заноси заносят солдат этих час там погрелись и поехали приезжаем в эту Луку в госпиталь на улице холодно открыл дверь а там жара идет я как посмотрел а там здание большое 5-6 ярусов нары сделаны такие лестницы и все везде занято ранеными дней 15 возил дальше жизнь пошла в селе снова работа и так до ноября месяца 1944 года и призвали меня в армию в середине декабря нас привезли аж в Горьковскую область назывались Гороховецкие лагеря 51 70 полк станция Ильино поселок Зорина та целая дивизия была учебная жили в землянках 1 рота в землянке длинная землянка справа лен комната слева оружейная зимой шли в столовую та питалось сразу батальон человек 500 а летом со своими ведрами идем в столовую нам наливали и возле казармы «землянки» столы сделаны посуда была сделана из консервных банок была такая американская тушенка она такая квадратная банка но по высоте 30 см жестящик в роте был из этих банок разрезали делал ведра ведро 10л миски делали из этих банок ложки были самодельные отопление в землянке дрова заготавливали сами отделение запрягается в сани едут 10 солдат едут в лес рубят сосны и везут вместо лошадей в полку было 2 лошади постель была такова матрас набитый соломой подушка набита соломой простыней не было полотенца были и подушка без наволочки в баню ходили сдавали туда белье пропаривать каждые 10 дней баня была

кормили нормально первое второе и компот был на второе каши может кусочек мяса попадет хлеб был булки большие 1 булка на отделение всегда были хитрецы у нас был такой он всегда старался резать сам хлеб считалось что самое вкусное и сытное это горбушка по первости и по глупости обмундировали нас в баню повели и старшина выдает всю одежду в которой мы пришли декабрь месяц мне достались кальсоны а кальсоны нательные а есть теплые мне выдали нательные а достались мне кальсоны до того исстиранные и изношенные что пока я дошел до казармы они у меня порвались и я остался в одних брюках а по глупости я так и ходил в одних брюках а ночью выведут на снег положат я до того замерзал а мороз минус 20 градусов и я так простыл что весной я заболел конец марта чистили снег с землянок и вышли на эту работу и у меня голова пошла кругом я говорю вроде я что-то заболел и пошел в землянку лег а с командиром отделения у меня не сложились отношения получилось так что он меня не возлюбил одним словом и когда меня оклеветали получилась у нас кража у одного солдата украли деньги а второй показал на меня оклеветал что вроде я и когда вывели в поле на ученье меня раздели обыскивали в конце марта командир говорит иди работай а я говорю ну не могу заболел я стоять на ногах не могу а санчасть только вечером принимала и я вечером пошел туда меня сопровождали в санчасть а от туда меня сразу на лошади и в госпиталь воспаление плеврит был я в госпитале пролежал до середины мая всю победу пролежал из госпиталя вышел весь вялый я не знал что после госпиталя мне был положен отпуск месяц и там прослужили мы до октября месяца а в октябре нас перевели в московский экипаж а от туда уже по распределению в отряды а в декабре нас 30 человек набрали в отряд Углич а в конце декабря перевели в Карелию город Сартовал на Ладоге у финнов был ангар а по краям ангара были учебные классы мы там занимались пол года а потом снова распределение по военным частям и на день Военно-Морского Флота в 1945 году мы приехали в Балтийск в воскресенье разбито все было в Калининграде и я стал служить в Балтийске в хим отряде в 1946 году их расформировали и нас перевели в Янтарное там стояло гвардейское железнодорожная бригада в бригаде было 4 батареи и дивизион меня сначала в развед батарею отправили я там год прослужил а потом меня перевели в другую батарею ровно семь лет я отслужил срочной службы в 1951 демобилизовался ну уже некоторые с нашей части сходили в моря в организации УЭЛ демобилизовался в ноябре а в октябре пошел в УЭЛ по Балтике ходили мы треску ловили а летом уже вышли в Атлантику селедку половили неплохо заработали а тут набирают курсы рыб и трав мастеров я пошел на курсы рыб мастеров уже на следующий год я уже пошел рыб мастером а в 1955 году решил пойти на штурмана учиться в Мамонова открылся

свой рыб комбинат штурманов механиков рыб мастеров трав мастеров электриков 8 месяцев на штурмана я отучился пошел 3 помощником сходил потом 2 потом старшим помощником а к этому времени старший помощник ходили в Южную Атлантику на тунца я сходил в отпуск пришел СРТЛ мой стоял на ремонте а мы в Китабойке в это время были я пришел Китабойка в рейсе Тунцеловня в рейсе и пошел я в ТРАЛ Флот меня поставили 2 помощником судно выходит в рейс а меня списывают пошел я в МОРТ ТРАНС Флот это была организация по перевозу судов из Калининграда на Дальний Восток взяли меня 3 помощником и сразу мы вышли и пригнали это судно в Петропавловск на Камчатку и так 3 рейса потом я обратно к себе вернулся в свою организацию старшиной бота и так я до пенсии там проработал это мне 60 лет было денежные запасы были 1 год я не работал и пошел на завод точной миханики там 2 года отработал тут начался развал у меня жена и сын работали на Цепруссе на Цепруссе валюту ввели и я пошел туда и пошел я вахтером в общежитие потом я ушел и так с одной работы на другую и так работал до 87 лет на родину я ездил каждый год Брат у меня есть на 6 лет моложе меня я дослужился до старшины 2 статьи.

Медаль за победу над Германией, остальные юбилейные.

Письма писали, когда я вышел из госпиталя меня встретили, говорят так ты живой, а мы написали, что ты уже умер.

Отец погиб в 1943 году, похоронку прислали матери данных по отцу нет.

Двоюродный брат живет в Свердловске, а племянник по сестре живет в Москве

Жена умерла 18 лет назад, сын развелся, дочка в Иваново живет и еще сын.

На день победы в госпитале все плясали, пели, радость была неопиcуемая.

Заключение

Лично мне общение с ветеранами-фронтовиками дало возможность еще раз прикоснуться к истории своей Родины, к ее героическим страницам. Я знаю, что к 65-й годовщине Великой Победы в школе ученики совместно с родителями реализовали проект «Книга Памяти». В этом юбилейном году мы продолжаем начатое нашими предшественниками. И уже нынешние ученики приносят воспоминания своих семей о ветеранах - фронтовиках. Надеюсь, что и мои интервью станут частью этой Книги Памяти. В работе мне оказывала помощь председатель ученического совета, ученица 11 класса Щербакова Екатерина.

А жители нашего микрорайона в дни празднования Великой Победы будут останавливаться возле школы, как и в прошлом году, смотреть и читать о Борисе Дмитриевиче Глыбины на баннере на фасаде. Пока жива память, мы помним и гордимся!

Приложение

Фотоматериалы из домашнего архива Б.Д. Глыбина

Фото из семейного архива Замниуса Василя Дементьевича

